

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Артемьева Ю.В.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗНАКА И ДЕНОТАТА*

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы современного языкознания – проблемы идентификации знака и денотата. Автор анализирует процесс идентификации на различных уровнях: на вербальном, невербальном, аудио- и визуальном типах коммуникации и других уровнях. Все эти проблемы изучаются в рамках психолингвистики.

Ключевые слова: идентификация, знак, денотация, вербальный, невербальный.

Принцип идентификации, положенный в основу механизма референции «подчеркивает связь между определенной референцией и способностью говорящего дать идентифицирующую дескрипцию объекта-референта» [9, 179]. В связи с этим Дж. Серл [9, 179-202] останавливается на аксиомах, относящихся к самому акту референции и к референтным выражениям, одну из которых он, назвав «аксиомой существования», сформулировал так: «То, к чему производится референция, должно существовать», а другую, под названием «аксиома тождества», представил так: «Если предикат истинен относительно некоторого объекта, то он истинен и для любого, тождественного данному, объекта, вне зависимости от того, какие выражения использованы для референции к этому объекту» [9, 185]. Однако прагматический анализ референции в речевых актах характеризует обратные описанным в аксиомах тенденции, кроме этого, сама формулировка аксиом, как отмечает и сам автор, является в сущности тавтологичной [9, 179-202]. В таком случае ставится под сомнение само существование этих (и подобных) аксиом. На самом деле, существует, пожалуй, одна проблема – проблема идентификации, которая в итоге и определяет наличие/отсутствие референта и сам механизм определения типа референции.

А. Вежбицкая для анализа (дешифровки, декодирования) текстов (высказываний) предлагает сначала убедиться в их однородности (отсутствии в них «вставок», «чужеродных тел», «цитаций»), в противном случае лингвистический анализ будет сложен или невозможен.

Приводя в качестве примеров утверждения типа: «Союз может быть подлежащим предложения, например: *И – это союз*», Анна Вежбицкая предлагает именовать «вкрапления» («и»), нарушающие правильность утверждений, цитациями [2, 237-262]. В связи с этим ей отводится большое место так называемым «семантическим равенствам» или «формулам допустимых (семантически инвариантных) трансформаций», которые предполагают не что иное, как возможность взаимного замещения высказываемых выражений [2, 237-262].

* © Артемьева Ю.В.

В итоге А. Вежбицкая выдвигает следующее: “Если в некоторой позиции некоторое выражение А не может (по семантическим, а не стилистическим причинам) быть заменено на синонимичное ему (имеющее тождественный перевод на метаязык) выражение В, то следует подозревать, что А является скрытой цитатой” [2, 237-262].

Выражения, группы слов, находящиеся под “*скрытой цитатой*”, по мнению А. Вежбицкой, выступают в качестве предикатов, т. к. не функционируют как субъекты (аргументы) [2, 237-262]. Так, например в роли предикатов могут выступать выражения типа “*хороший лыжник*”, “*настоящий художник*” и подобные. Наряду с этим А. Вежбицкая останавливается на так называемых потенциальных дескрипциях типа “*убийца Джона Смита*”, “*первооткрыватель Америки*” и подобных [2, 237-262]. В этих случаях действует закон сингулярности, ведущий к сужению идентификации.

Как “*явление идентифицирующей силы*” рассматривает А. Вежбицкая и такие средства идентификации персонажей (субъектов), как “приписывание” каждому из них “собственного” предиката [2, 237-262]. Но в этом случае огромное значение имеет эмотивное содержание, экспрессивная сторона смысла и, в конечном итоге, отношение между обозначаемым лицом (предметом) и говорящим, т. е. по существу это выражение (дескрипция) субъективировано, оценочно, следовательно, нереферентно.

Обращаясь к грамматическим категориям и к частям речи в частности, А. Вежбицкая останавливается на процессе идентификации у существительных и прилагательных, отмечая, что процесс идентификации происходит на уровне существительного – референт, а “реальное семантическое различие между существительными и прилагательными лежит не в диапазоне или типе референтов, но в типе семантической структуры” [3, 307]. В данном случае можно также говорить о противопоставлении референтности и атрибутивности.

Особенности нереферентности анализируются Вежбицкой и на примере обращений, которые рассматриваются как “явные прагматические операторы”, стоящие в стороне от показателей идентификации: “То, что может употребляться в качестве дескрипции, не может выступать в качестве обращения и наоборот. Экспрессивные компоненты вводятся в обращения, а идентифицирующие – в субъекты” [2, 237-262]. Действительно, если и можно сказать, обращаясь: “*Эй, толстый мальчик*” или “*Человек, родившийся в Дувре 1 июля 1945 года*”, то это высказывание будет носить явно комический эффект, что, собственно, нередко используется не только в речи.

Процесс идентификации значения вербального знака формируется в онтогенезе в качестве гибкой системы выбора инвариантных идентификационных стратегий. Этот процесс проходит несколько стадий, несущих в себе как вербальный, так и невербальный анализ встречающейся информации. Идентификация нового слова происходит путем включения его в идиолексикон через установление связей между этим словом и другими единицами внутреннего лексикона индивида. Процесс идентификации происходит на всех уровнях. Если мы имеем дело с процессом говорения, то сначала происходит акустическая идентификация, путем воспроизведения услышанного в головном мозге и наложением фонетической кальки на существующие в слуховой памяти человека акустические эфферентные ощущения. Таким образом происходит наложение афферентного акустического восприятия на эфферентные акустические представления индивидуума, вытекающие из его жизненного опыта. Таков, в общих чертах, процесс слуховой идентификации.

При чтении, т.е. восприятию информации органом зрения происходит афферентное восприятие уже визуальной информации и наложение ее на имеющуюся у человека, пока не произойдет процесс понимания или отвержения увиденного. Так происходит процесс визуальной идентификации.

При слуховой и визуальной идентификации огромное значение имеет определенный контекст. Благодаря ему реципиент может успешно избежать возможных артикуляционных или визуальных погрешностей, возникающих при идентификации по разным причинам. Наиболее успешно происходит идентификация высокочастотных слов, элементарных синтаксических конструкций, обнаруживающих хорошую способность к декодированию. Процесс успешного декодирования напрямую связан с процессом идентификации и происходит на фонетическом, лексическом, морфолого-грамматическом и синтаксическом уровнях.

При фонетическом декодировании информации важна одна главная деталь: получатель (реципиент) должен знать язык, на котором построена коммуникация, в противном случае будет невозможно определить, какие звучания выступают в роли фонем. Сами фонемы невозможны без функции смысловоразличения. Поэтому вслед за фонетическим, точнее одновременно с ним, идет лексическое декодирование информации, соотнесение с действительностью и затем усвоение синтаксической структуры посредством идентификации с имеющимися концептуальными знаниями индивида. При успешности восприятия информации в результате ее декодирования и идентификации реципиент автоматически реагирует (комментарий, ответ, невербальная реакция, в том числе молчание, содержащие прежде всего оценку воспринятого). Реакция реципиента может быть различной, в зависимости от результатов идентификации, декодирования и интерпретации у получателя возникает позитивная или негативная реакция на полученную информацию. Любое высказывание, любая направляемая информация имеет своей целью воздействовать на адресата, вызвать ответную реакцию, достичь определенной перлокуции.

С.И. Тогоева [10] выдвигает несколько видов идентификационных стратегий при опознании новых слов (неологизмов). Они представлены мотивирующей, словообразовательной, категориальной (внутри которой дифференцировались идентификационные модели в соответствии с различными уровнями обобщения: *суперординатный, базисный, субординатный*), прямая дефиниция, установление связи по сходству звукобуквенного комплекса, иллюстрация примером, стратегия отказа.

Другие исследователи предлагают идентификационные стратегии на материале прилагательных [8], глаголов [7]. Эти стратегии опираются на формальные мотивирующие элементы (опознание мотивирующего слова, основы стимула, опознание словообразовательной модели стимула, по сходству звукобуквенного комплекса); опираются на ситуацию, когда в качестве семантических опор выступают элементы ситуации (к числу таких ситуаций относится прагматическое осмысление, реакция координированным членом категории, приписывание признака его потенциальному носителю, дефиниция, конкретизация стимула через синоним/симиляр). На материале глаголов Т.Г. Родионова определила основную стратегию их идентификации с характеристикой действия через выход на определенную ситуацию.

В основу идентификационных стратегий принимается основной механизм восприятия речи: целостный и поэлементный или же сочетание их при установлении связей с другими единицами лексикона по нескольким параметрам. При анализе восприятия новых слов С.И. Тогоева вывела тезис об одновременности восприятия нового слова как целостности и как комбинаторной единицы [10].

В связи с этим нелишним будет вспомнить о психосемантике Г. Гийома, о партикуляции (выделении) и генерализации (обобщении) – стадиях прохождения слова в духе компаративизма. По словам Г. Гийома: – «Речь, когда начинается и даже когда еще готовится, использует язык, существующий в мышлении в уже построенном виде» [5, 53]. Партикуляция и генерализация – основные, базовые операции которые наблюда-

ются на бессознательном уровне Г. Гийом называет общей мыслью, обычным (обыденным) мышлением. Происходит несколько фаз: *целевое устремление*, творящее язык и речь, и *двойное движение мысли* (от частного к общему и обратно). В этом, считает ученый, и состоит сущность генерализации и партикуляции. Как результат этих явлений в индоевропейских языках в качестве потенциальной языковой единицы выступает слово, а в качестве реализованной речевой единицы – предложение. Рассматривая слово как систему, Гийом предложил психосистематику, использующую методику позиционной лингвистики в качестве механизма раскрытия построения слова. Его метод заключается в некотором перехвате деятельности мышления с помощью векторных сечений, попеременно пересекающих горизонтальные линии – партикуляцию и универсализацию, таким образом дробятся фазы формирования слова в процессе речемыслительной деятельности. Основной идеей Г. Гийома, положенной в основу его учения, является четкое разделение физического и ментального, что явилось одним из первых шагов в сторону функционального метода изучения языка. Неоднократно Г. Гийом в своих работах сетовал на то, что: – «В языке, для которого значение является необходимым признаком, изо всех сил стараются ограничить рассмотрение физическим аспектом, незначительным, если он не скрывает ментализма, порождающего значение» [5, 72].

По существу, Г. Гийома интересовала этимология смысла, значения, с этой целью он и развивал свою теорию линеаризации. Связь и различие между материальным и ментальным, поверхностной и глубинной структурой слова, планом выражения и планом содержания, беспокоят ученых с давних пор.

Проблема идентификации знака и денотата берет свое начало в тех работах прошлого языкознания, когда самое большое, что могли сделать ученые, это разделить план выражения и план содержания, противопоставить язык речи, выделить семантику как объект исследования лингвистов. Сейчас проблемы идентификации исследуются на сенсорном, вербальном и визуальном, слуховом уровнях. Это связано с тем, что родившись из коммуникации людей, обособившись со временем и став сверхмощным объектом научного исследования, язык потерял свою основную характерную черту – коммуникативность, но, вернувшись в коммуникацию, он тем самым позволил изучать речемыслительную деятельность человека, речевые акты и дискурс, лежащий в их основе.

В сущности, идентификация знака и денотата происходит на вербальном и невербальном уровнях одновременно. Сам обмен информацией по сути не может быть чисто вербальным, поскольку в коммуникации неотъемлемое значение имеет человеческий фактор, а, значит, присутствуют этнопсихологический, социальный аспекты, напрямую не связанные с вербальным анализом речевых актов.

Таким образом, в отображении когнитивного образа ситуации общения при внутренней организации дискурса (речи) значительную роль играют как вербальные, так и невербальные средства.

Вербальные средства общения активно участвуют в отображении как фрейма референтной ситуации (приоритет семантического аспекта), так и сценария общения (приоритет прагматического аспекта), в то время как невербальные средства, как правило, манифестируются в спонтанной устной речи.

Итак, в современной коммуникативной среде естественный язык по-прежнему не является единственным средством общения. Во взаимодействии со знаками иной природы вербальные знаки успешно реализуют свои коммуникативные функции.

Процесс идентификации происходит не только на вербальном, но и на невербальном (внеязыковом, паралингвистическом) уровне. Для достижения взаимопони-

мания между коммуникантами здесь, как в случае с теоретически возможным чисто вербальным общением, коммуниканты должны иметь общий набор пресуппозиций (определенные факты, предметы, общий фонд знаний). Все невербальные средства коммуникации: фонационные, классические, проксемические, акциональные и другие, должны быть четко привязаны к определенной ситуации употребления и соотношения с когнитивной сущностью, обусловлены определенной интенцией коммуникантов. Только в этом случае будет действовать модель идентификации, используемая и при вербальной коммуникации.

С.И. Тогоева особо отмечает субъективность и антропоцентричность значения, заключенного в определенной звуковой или буквенной форме, значения, отражающего «преобладающие культурные ценности и специфичные для данной культуры способы социального взаимодействия» [10, 128]. Однако, вышесказанное отнюдь не является безоговорочной поддержкой теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Конечно, то, как люди мыслят, определяется категориями, имеющимися в их родном языке, но нельзя согласиться с тем, что различия между языками влекут за собою различия в том, как мыслят их носители. Таким образом, нельзя утверждать, что мышление полностью не зависит от языка, равно как и обратное. В связи с этим, Анна Вежбицкая предлагает тщательно отбирать слова, учитывая их языковые и концептуальные реалии при переводе определенных слов (значений) с одного языка на другой. В своих ранних работах исследователь предлагает использовать так называемые семантические примитивы [4], универсальные языковые и семантические концепты. Позже она приходит к необходимости создания так называемого «мини-языка», элементарного (*basic*) языка, «который мы затем можем использовать в качестве метаязыка, чтобы говорить о языках и культурах как бы извне» [3, 307]. С этой целью Анной Вежбицкой выделяются лексические универсалии (идентифицированные путем глубокого анализа), универсальный синтаксис значения, полисемия, аллолексия, «факультативные валентности» [3, 307].

Именно в коммуникации происходят постоянные изменения того, что подразумевается самими коммуникантами, привносящими все новые интерпретации смыслов как воспринимаемых, так и собственных. И поскольку при обучении языку используются прежде всего модели коммуникативных актов, неотъемлемой частью преподавания любого иностранного языка будет не столько текстоцентрический, сколько коммуникатороцентрический подход, учитывающий прежде всего прагматику языка.

Известно, что языковые значения являются в принципе прагматичными, т. к. связаны с человеком и речевой ситуацией, поэтому использование так называемого базового, или «мини-языка», по Вежбицкой, можно производить, опираясь прежде всего на обыкновенный разговорный язык, которому как произведению устного или письменного «народного творчества» в меньшей мере присуще чье-то авторство. Но в этом случае возникают определенные трудности, связанные прежде всего с различным представлением носителей одного языка в области грамматики, синтаксической связности (например, явление анаколуфа), денотативной наполненности, функционально-истинностной эквивалентности предложений и высказываний, – словом, все то что связано с идиолектами различных социальных групп людей – носителей одного языка.

К числу подобных значений можно отнести не только номинативные или предикативные группы, но и так называемые «таксономические категории отношений между людьми» [1, 411-412], подразумевающие под собой абстрактные понятия, выраженные словами типа «любовь», «дружба», «верность», «семья». В этом случае процесс идентификации знака и денотата может вызывать различную референцию,

связанную прежде всего с различием в понимании этих межличностных взаимоотношений у разных народов, наций, этнических групп. Если не учитывать возникающие нюансы в различном восприятии явлений, процессов и т. д., наслаиваясь друг на друга, они могут способствовать искажению общего смысла высказывания (текста, дискурса), что неотвратимо приведет к коммуникативной неудаче. Например, при переводе на русский язык слов «*mate*», «*friend*» и соответственно «*mateship*», «*friendship*» или «*comradeship*» может возникнуть неадекватное понимание высказывания, поскольку, слова эти нельзя переводить только как «друг» или «дружба». В австралийском языке слово «*mate*» прежде всего имеет значение «человек вроде меня», при этом подразумевается тесная связь между называющими себя этим словом, именующими себя как «*mates*». Можно сказать: «*Just a friend*», но употребить высказывание: «*Just a mate*» было бы некорректно. Пожалуй, только при тесном общении с носителями русского языка можно узнать, к примеру, какая разница существует между обращением «товарищ» и тем же словом, употребленным применительно к другу, и какую оценочно-эмоциональную нагрузку несет это слово. Существует также дифференциация в словоупотреблении с учетом половых, социальных и возрастных признаков. Например, в японском языке по возрастному принципу: *shinyu* – «друг» у взрослых, у детей – *tomodachi*, а между людьми одного социального статуса принято произносить «*doryo*».

Таким образом, понятие адекватности напрямую связано с проблемой идентификации знака и денотата, существует независимо от языка, но определяется данными того или иного социума, этноса и его культурно-историческими артефактами.

К счастью, человечество, несмотря на разницу в развитии своих цивилизаций, мыслит одинаковыми категориями миропонимания, отсюда и источник возможности взаимопроникновения различных культур, дивергенции и конвергенции языков.

При обучении русскому языку как иностранному нельзя обойтись без учета ментальности носителей другого языка. Некоторые смысловые, синтаксические конструкции или значения отдельных слов могут оказаться непонятными для обучаемых из-за отсутствия подобных категорий в их этническом миропонимании и мироощущении. Следовательно, желаемой идентификации знака и денотата у изучающих русский язык не произойдет, как не произойдет адекватного восприятия, что в конечном итоге приведет к коммуникативной неудаче. Использование определенных понятий, принятых для представителей одного этноса, может оказаться неприемлемым для носителей другой культуры. Проиллюстрировать это можно на известном факте отсутствия в английском языке противопоставления местоимений «ты» и «Вы», что приводит, к примеру, к невозможности адекватной передачи смысла стихотворения А.С.Пушкина «Ты и Вы», который и состоит в чувственном восприятии противопоставления официоза и дружеского расположения.

Кроме этого, существует достаточное количество символов, знаков, одинаково представленных по форме (письменной или устной речи, различной выраженности идеография и т. д.) у разных народов, имеющих, однако, различную референцию. Простейшим примером является тотем, несущий в себе ряд положительных качеств (ассоциаций) у одного этноса и не представляющий тотемной характеристики для другого народа. Так, медведь-батьюшка для восточных славян, не несет никакой смысловой нагрузки для африканца, а для западных славян прародителем считается волк, для чукотских народов – кит, для индийцев корова – священное животное и т. д. Например, мусульмане считают свинью «неприкасаемым» животным, чье одно только присутствие оскорбляет человека, мясо этого животного запрещено для употребления в пищу. А у христиан (итальянцев, немцев, восточных славян и др.) свинья – один из

символов достатка и благополучия, хотя в то же время имя этого животного часто служит в качестве ругательства.

Таким образом, в процессе обучения русскому языку как иностранному имеет место не только межъязыковая, но и межкультурная идентификация, поскольку культура и язык взаимосвязаны. Лингвоэтнический барьер, возникающий при коммуникации может складываться из разных факторов: расхождение систем (структур) языков (изучаемого и родного), расхождения языковых и речевых норм. Расхождение в пресуппозиции (макро или микро) носителей того или иного языка связано с самим существованием денотата, референта.

Название представителей экзотической флоры и фауны, некоторых реалий, явлений и т.д. формируются в течение всей истории развития того или иного этноса с момента его возникновения. Другому народу данные реалии могут быть непонятны в силу невозможности идентификации знака и денотата. Что для простого африканца означает слово «снег»? Наверное, то же, что для русского «гуава», то есть идентификационная неопределенность, лакуна, неопределенная (или нулевая) референция.

В связи с возрастанием межкультурных и межъязыковых коммуникаций «белых» понятийных пятен благодаря семантике метаязыка становится все меньше. При идентификации того или иного знака и денотата большую помощь могут оказать интерактивные модели, для которых, в отличие от семантической интерпретации, характерна идея параллельной обработки сигнала на всех уровнях, а не при получении фонетической и синтаксической репрезентации.

Таким образом, осмысление каждого слова носителем языка происходит при неразрывном взаимодействии когнитивного, перцептивного, эмоционального компонентов функционирования образа слова в индивидуальном сознании. Поэтому при коммуникации постоянно меняется то подразумеваемое, которое коммуниканты привносят в каждый новый момент речи, выступая в качестве интерпретантов как воспринимаемой, так и собственной информации, образуя сложный механизм формирования языковой нормы путем взаимного влияния друг на друга узуса, социолекта, идиолекта носителей того или иного языка, поскольку нормы языка чаще всего отражают частотность употребления формы, знака, конструкции и т. д. определенного языка при коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Референция // Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998. С. 411-412.
2. Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции) М., 1982. С. 237-262.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. 307 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 180 с.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. 370 с.
6. Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин: КГУ, 1988. 215 с.
7. Родионова Т.Г. Некоторые результаты экспериментального исследования особенностей идентификации неологизмов-глаголов // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, ТвГУ, 1992. С. 26-31.
8. Сазонова Т.Ю. Стратегия идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных) // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь: ТвГУ, 1992. С. 32-42.
9. Серл Дж. Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. С. 179-202.
10. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. Тверь: ТвГУ, 2000. 270 с.

J. Artemieva

THE PROBLEM OF SIGN AND DENOTATUM IDENTIFICATION

Abstract: The article deals with the identification of sign and denotatum (lat.) – an actual problem in modern linguistics. The author analyses the process of identification at different levels: verbal and non-verbal; audio- and visual types of communication and others. All these problems are examined in a psycholinguistic frame.

Key words: identification, sign, denotation, verbal, non-verbal.